

Записки о Московіи Іоанна Пернштейна и принца Даниіла фонъ-Бухау.

Къ эпохѣ Ивана Грознаго относятся два любопытныхъ источника: „Донесеніе о Московіи Іоанна Пернштейна, посланника Нѣмецкаго императора Максимилиана III при Московскомъ дворѣ въ 1575¹⁾ году“ и „Начало и возвышеніе Московіи“, сочиненіе Даниіла Принца изъ Бухова²⁾. Второе сочиненіе съ внѣшней стороны не представляетъ никакихъ затрудненій; но нельзя этого сказать о первомъ. Дѣло въ томъ, что существуетъ нѣсколько списковъ „Донесенія“, причемъ въ однихъ авторъ называется Іоанномъ Пернштейномъ, а въ другихъ Филиппомъ. Такъ мы имѣемъ два списка на итальянскомъ языкѣ, заглавія которыхъ почти сходны между собою, исключая того, что въ одномъ Пернштейнъ называется Іоанномъ, и посольство отнесено къ 1575 году, а въ другомъ Филиппомъ, и посольство отнесено къ 1579 году; но и тотъ, и другой помѣчены однимъ и тѣмъ же мѣстомъ: польскимъ городомъ, Ловичемъ. Существуетъ также переводъ съ итальянскаго на латинскій, гдѣ также авторъ называется Филиппомъ Пернштейномъ. Кромѣ этихъ трехъ списковъ, хранящихся въ Ватиканской библіотекѣ, есть еще слѣдующіе: одинъ въ Берлинской Королевской библіотекѣ, другой въ Московскомъ публичномъ музеѣ³⁾, третій, наконецъ, у Чіампи въ Шизѣ. Такимъ образомъ является спорнымъ во-

¹⁾ Текстъ на итальянскомъ яз. Hist. Rus. Monum. Спб. 1841. I, 255—264. Рус. пер. въ Чтен. М. Общ. ист. 1876 г. кн. II.

²⁾ Текстъ подлинника латинскій, въ Script. rer. Livonicar (съ изд. 1681 г.) II, 687—728. Извлеч. на рус. яз. въ „Ураніи“ 1826 и Жур. Мин. Нар. Пр. 1845; полн. перев. въ Чтен. М. О. ист. 1876, кн. III и IV.

³⁾ Впрочемъ, начало и конецъ этихъ двухъ списковъ не согласуются съ началомъ и концомъ «Relazione».

прось объ имени автора. Но есть еще другое затрудненіе, гораздо важнѣе перваго. Дѣло въ томъ, что разбираемое нами „Донесеніе о Московіи“ Пернштейна почти буквально сходно съ „Письмомъ о Россіи“ Іоанна Кобенцеля¹⁾, который вмѣстѣ съ Принцемъ фонъ-Бухау въ 1576 году былъ посломъ у Ивана Грознаго. Является такимъ образомъ вопросъ, чѣмъ объяснить такое сходство: есть-ли оно результатъ заимствованія, или-же „Донесеніе“ Пернштейна есть только вариантъ Кобенцелева „Письма о Россіи“. Разъ мы разрѣшимъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что Пернштейнъ и Кобенцель — одно и то же лицо, споръ объ имени Пернштейна сдѣлается излишнимъ. По мнѣнію Карамзина, „Донесеніе о Московіи“ и „Письмо о Россіи“ суть списки одного и того-же произведенія, авторомъ котораго былъ Кобенцель. „Въ подлинникѣ, говоритъ онъ, какъ вѣроятно, не было имени сочинителя; а кто нибудь, слышавъ о Герберштейнѣ, посланномъ въ Россію при Максимилианѣ I, вставилъ Пернштейна; но сей Giovanni есть Іоаннъ Кобенцель: не только время (1575-й г.), но и всѣ историческія обстоятельства несомнительно относятся къ его посольству“ (т. IX, пр. 439)²⁾. Аделунгъ не согласенъ съ мнѣніемъ Карамзина и приводитъ противъ него такія возраженія. „Догадка знаменитаго историка, говоритъ онъ, не совсѣмъ основательна. Во первыхъ: рукопись эта подписана не 22 мая 1575 года, какъ говоритъ Карамзинъ, а въ подписи сказано: Di Lovitio in Polonia a 27 Maggio 1579 г. Во вторыхъ: Іоаннъ Кобенцель оставилъ намъ описаніе своего путешествія въ Россію полатыни и понѣмецки, но не поитальянски, а та рукопись, о которой мы говоримъ, писана на этомъ языкѣ. Въ третьихъ: слишкомъ смѣла догадка, чтобы кто нибудь совершенно неосновательно приписалъ сочиненіе этой рукописи Герберштейну, котораго имя и не Іоаннъ и котораго за 52 года передъ тѣмъ былъ въ Россіи³⁾“. Таковы воз-

¹⁾ Латинскій и итал. тексты этого „Письма“ сохранились у Каспара Энга, въ такъ называемомъ *Thesaurus Politicus, Colon. 1611*, и въ *Ph. Honorii Thes. Pol. Fref 1817*.

²⁾ Не разбирая здѣсь мнѣнія Карамзина, мы только замѣтимъ, что посольство Кобенцеля вмѣстѣ съ Принцемъ фонъ-Бухау относится не къ 1575 г., а къ 1576, какъ это ясно видно изъ сочиненія принца Данила („Начало и возвышеніе Московіи“) и одного русскаго источника („Памятники дипломатическихъ сношеній древ. Рос. съ державами иностранными“).

³⁾ Аделунгъ. „Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи до 1700 года“, стр. 184.

раженія Аделунга Карамзину. Но, не довольствуясь этимъ, онъ, въ противовѣсъ мнѣнію Карамзина, выставляетъ свое собственное. „Авторъ этого „Донесенія“, говоритъ онъ, — не Іоаннъ Пернштейнъ и не Іоаннъ Кобенцель, какъ думаетъ Карамзинъ, а Филиппъ Пернштейнъ, который былъ посломъ отъ императора Рудольфа II къ московскому царю въ 1579 году“. Всѣ эти возраженія, за исключеніемъ третьяго, очень слабы.

На первое можно отвѣтить, что Карамзинъ въ этомъ случаѣ пользовался тѣмъ спискомъ, на который мы раньше указывали и на которомъ было написано: *Di Lovitio in Polonia a 27 di Maggio 1575 г.*; 22 мая вмѣсто 27, конечно, опечатка, тѣмъ болѣе, что въ 440-мъ примѣчаніи къ 9-му тому Исторіи Государства Россійскаго стоитъ 27 мая. Второе опровергается собственными словами Аделунга. „Въ Ватиканской библіотекѣ находится, читаемъ мы у него ¹⁾, итальянская рукопись подъ заглавіемъ: „*Ricevimento dell' Ambasciatore Imperiale in Moscovia 1576*“ Должно быть, это также описаніе Кобенцелева посольства, потому что въ 1576 году не было другого посольства изъ Вѣны кромѣ его.“ Изъ этихъ словъ выходитъ, что, въ противоположность своему предыдущему утвержденію, Аделунгъ указываетъ на существованіе описанія Кобенцелева посольства на итальянскомъ языкѣ; впрочемъ самъ же Аделунгъ указываетъ и еще на одинъ списокъ тоже на итальянскомъ языкѣ; онъ принадлежитъ профессору Чіампи и озаглавленъ такъ: „*Relazione del Cobencel Ambasciatore Cesario al Gran Duca di Moscovia nel 1580 г* ²⁾“. Что же касается до третьяго возраженія, то его нужно признать вполне основательнымъ. Но, не довольствуясь опроверженіемъ возраженій Аделунга, приведемъ положительныя доказательства въ пользу мнѣнія Карамзина. Во первыхъ. Если признать „Донесеніе“ и „Письмо“ за самостоятельныя произведенія двухъ отдѣльныхъ авторовъ, чѣмъ въ такомъ случаѣ объяснить сходство между ними, сходство, простирающееся до мельчайшихъ подробностей. Скажутъ, что тутъ было заимствованіе; но долженъ же быть извѣстный предѣлъ и заимствованію. Если въ этомъ „Донесеніи“ описывается путешествіе Пернштейна, то должно же оно разниться отъ путешествія Кобенцеля. Что же мы видимъ?

1) Аделунгъ, часть 1-я, стр. 188.

2) 1580-й годъ по ошибкѣ вмѣсто 1576-го.

Приведемъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ „Донесенія“¹⁾ и „Письма“²⁾.

Literas, quas ad te de rebus Moschorum dederam diligenter servatas esse mirum in modum mihi placuit, quam fieri potest, ut iisdem de rebus fuëris amplius atque diffusius edoctus postquam in Moscoviam dimissus fui neque Caesarea Majestas fortasse de reditu meo Summum Pontificem haecenus certior fecit, cum prius expeditionem meam cum Imperio, deinde cum Consiliariis communicatura, mox Summo Pontifici caeterisque Christianis Principibus significatura sit: ut scilicet illos ad confederationem hortetur a Moscho vehementer expetitam contra Turcarum Imperatorem, ideoque expeditio mea aliter interpretanda non est.

Какъ видимъ изъ этого сопоставленія, цѣль посольства и одинъ, и другой выставляють одну и ту же и при томъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. О самомъ выполненіи посольства тоже разсказывается одинаково.

Innuat mihi, ut meam narrationem pergerem. Itaque horam

Pergratum mihi accedit Dominationi Vestrae charum fuisse id, quod summarie de rebus Moscoviticis eidem nuper perscripseram; credo Vestram Dominationem postea uberiores Relationem earundem rerum habuisse, posteaquam mea expeditio ubique sparsa sit. Sua Majestas Caesarea forsitan nondum de istis participem fecit Sanctissimum Dominum nostrum, volendo prius haec cum Sacro Imperio communicare et postea cum ejusdem consilio Suae Sanctitati et aliis Principibus Christianis notificare et hoc (ut credo) ut in illam confederationem induci possint, quam Moscovita contra Turcam vehementer desiderat. Et propterea haec Taciturnitas non debet in alium sensum interpretari.

Postea dedit signum ut ulterius loquerer, quod et feci per in-

1) См. въ Philippi Honorii „Thesaurus Politicus“ (Frof. 1617) Philippi Peristen Imperialis legati Majestatis Caesareae, viri excellentissimi, Relatio de Magno Moschorum Principe, anno 1579.

2) Sammlung.. herausgegeben v. B. Vichmann, Berl. 1820, стр. 3—32. и Hist. Ruthen. Script. ext. ed. Ad. Starzewski, Berol. et Petr. 1841. II, 11—20

fere integram ipsum detinui quia scilicet legatio mea sex capitibus praecipuis continebatur, satisque longa erat: quam ad verbum sibi jussit interpretari.

tegram fere horam, legatione mea id exigente, quae 6 capita magnae importantiae continebat, quae ipse sibi quasi de verbo ad verbum interpretari fecit.

Мы взяли первыя попавшіяся мѣста, но количество ихъ мы могли бы увеличить до безконечности.

Во вторыхъ. Описаніе посольства Пернштейна совершенно сходно съ описаніемъ посольства Кобенцеля, помѣщеннымъ въ русскомъ источникѣ: въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными 1)“. Сравнивая описанія этихъ двухъ посольствъ, мы должны прійти къ заключенію, что это было одно и то же посольство. Приведемъ рядъ параллельныхъ фактовъ изъ „Донесенія“ и „Памятниковъ“

Главнымъ приставомъ Пернштейна былъ князь Дмитрій 2).

Главнымъ приставомъ Кобенцеля былъ кн. Дмитрій Петровичъ Елецкій 3).

Пернштейнъ прибылъ въ Московію въ началѣ Рождественскаго поста 4).

Кобенцель прибылъ въ Московію 2 декабря 5).

Пернштейнъ былъ въ Дорогобужѣ 6-го января, на Крещеніе 6).

Кобенцель былъ въ Дорогобужѣ отъ 6-го декабря до 1-го четверга послѣ Крещенія 7).

Во время пребыванія Пернштейна въ Дорогобужѣ, къ нему были присланы царемъ его

„Были, декабря 16-го, бояринъ и намѣстникъ Тверской, Никита Романовичъ Юрьевъ, бояринъ и намѣс-

помѣч. 1577 г.) Старин. латин. переводъ былъ сдѣланъ съ серб. (иллир.) яз. Рус.-перев. съ латин. изд. въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1842, № 9.

1) Т. I, 481—574. Здѣсь мы находимъ болѣе подробныя извѣстія о посольствахъ, и въ томъ числѣ о посольствѣ Кобенцеля, чѣмъ даже въ сочиненіяхъ самихъ пословъ.

2) „Дон. о Моск.“, стр. 4-я, по изд. въ Чтен. Моск. Общ. ист. 1876, кн. II.

3) „Пам. дип. снош.“ стр. 481, 484.

4) „Дон. о Моск.“, стр. 7-я.

5) „Пам. дип. св.“, стр. 486.

6) „Дон. о Моск.“ стр. 5-я.

7) „Пам. дип. св.“ стр. 487 и 502.

дворецкій, по имени князь Никита Романовичъ, съ нимъ другою князь изъ тайнаго его Собѣта, также канцелярскій, многими при нихъ боярами¹⁾“.

Не доѣзжая одной мили до Можайска, Пернштейна встрѣтили три новые пристава³⁾“.

Пернштейнъ въ подарокъ Московскому Царю даетъ ожерелье, украшенное 62 довольно крупными брилліантами съ императорскою короною наверху⁵⁾.

Съ Пернштейномъ въ качествѣ легкихъ пословъ къ Нѣмецкому Императору отправляются изъ Москвы: Захарій Сурборскій и Андрей Арцыбашевъ⁷⁾.

тникъ Можайскій, князь Василій Андреевичъ Сицкій да дьякъ Андрей Яковлевичъ, сынъ Щелкаловъ²⁾.

Не доѣзжая до Можайска, Кобенцеля встрѣтили 3 новые пристава: Михаилъ Долматовичъ Карповъ, князь Михаилъ Ѳеодоровичъ Борятинскій, да дьякъ Василій Колудоровъ⁴⁾.

Кобенцель въ подарокъ Московскому Царю даетъ „ланцугу золоту съ каменьемъ, а на ней имя Цесаря Римскаго и съ его цесарскимъ вѣнцомъ⁶⁾“.

Кобенцелю и Принцу фонъ-Бухау Царь Московскій даетъ легкихъ пословъ, Захарія Сугорскаго и Андрея Арцыбашева⁸⁾.

Обратимся теперь къ разбору мнѣнія Аделунга, что авторомъ

¹⁾ „Дон. о Моск.“, стр. 10.

²⁾ „Пам. дип. сн.“ стр. 493.

³⁾ „Дон. о Мос.“, стр. 11.

⁴⁾ „Пам. дип. сн.“ 503—506.

⁵⁾ „Дон. о Моск.“ 12.

⁶⁾ „Пам. дип. сн.“. стр. 513.

⁷⁾ „Дон. о Моск.“ 15.

⁸⁾ „Пам. дип. сн.“ 513. Это послѣднее обстоятельство требуетъ поясненія. Если признать Пернштейна за самостоятельнаго посла, то выйдетъ противорѣчіе. Какъ съ Пернштейномъ могли отправиться Сугорскій и Арцыбашевъ въ Вѣну, когда мы его видимъ, вслѣдъ за окончаніемъ посольства, въ Польшѣ на сеймѣ? Но затрудненіе исчезнетъ, если мы признаемъ въ Пернштейнѣ Кобенцеля. Сугорскаго и Арцыбашева Царь дѣйствительно послалъ съ Кобенцелемъ и Бухау въ Вѣну; но отправились они не съ Кобенцелемъ, а съ Бухау черезъ Ливонію.

„Донесенія“ нужно считать Филиппа Пернштейна (иначе Пренистайна, Чернестена, Пренистана), который былъ посломъ отъ Нѣмецкаго императора Рудольфа II къ Московскому царю въ 1579 году. Доказательствъ въ пользу своего мнѣнія Аделунгъ не приводитъ никакихъ; онъ скорѣе предполагаетъ, на основаніи сочиненій съ именемъ Филиппа Пернштейна, о существованіи этого посла и его посольства въ 1579, чѣмъ знаетъ объ этомъ на основаніи достовѣрныхъ извѣстій. Доказываемое является у него такимъ образомъ доказательствомъ: ему нужно было доказать, что авторомъ „Донесенія“ былъ Филиппъ Пернштейнъ, имя котораго было выставлено на нѣкоторыхъ спискахъ, а онъ доказываетъ это тѣмъ, что встрѣтилъ нѣсколько списковъ „Донесенія“ съ именемъ Филиппа Пернштейна. Но независимо отъ этихъ общихъ соображеній, мы имѣемъ положительныя доказательства, что Филиппъ Пернштейнъ (если только существовалъ) не былъ посломъ отъ Нѣмецкаго императора къ Московскому царю въ 1579 году; мало того—что такого посла вовсе не было при Московскомъ дворѣ въ царствованіе Ивана Грознаго. Во первыхъ. Въ первомъ томѣ „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными“ (Спб. 1851) находится описаніе почти всѣхъ посольствъ, относящихся къ царствованію Ивана Грознаго; говоримъ: почти всѣхъ, потому что часть дѣлъ сгорѣла во время пожара, такъ что нѣкоторые годы, въ томъ числѣ и 1579-й, остаются пустыми; но въ замѣнъ этого въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранилось нѣсколько рукописей, заключающихъ описаніе дѣлъ Посольскаго Приказа. Посмотримъ, относится ли къ 1579 году посольство Филиппа Пернштейна. Въ промежутокъ времени отъ 1576—1583 года были слѣдующія посольства: посольство Кобенцеля, отправленіе Сугорскаго и Арцыбашева къ цесарю, отпускъ къ Максимилиану и пріѣздъ въ Москву посла Ждана Квашнина. Посольства Филиппа Пернштейна нѣтъ ни подъ 1579 годомъ, ни подъ какимъ изъ предъидущихъ или послѣдующихъ.

Во вторыхъ. Въ самомъ началѣ „Донесенія“ мы читаемъ слѣдующее:

„Свѣтлѣйшій и честнѣйшій Монсиньоръ! Получилъ я письмо Вашей Честнѣйшей Милости отъ 8-го числа прошлаго мѣсяца уже здѣсь, въ Польшѣ, гдѣ нахожусь по повелѣнію Его Цесарскаго Величества съ двумя моими товарищами для присутствованія при Варшавскомъ сеймѣ, открывшемся на сихъ дняхъ, но приостановленномъ до будущаго 3-го числа іюня. На этомъ сеймѣ мы должны представиться и дѣй-

ствовать согласно даннымъ намъ наказамъ; не скрою однако же отъ Васъ, что дѣло это причиняетъ намъ много хлопотъ, а главное потому что Его Свѣтлость нѣсколько уже разъ писалъ мнѣ поспѣшить прибытіемъ моимъ къ нему“. Если признать авторомъ „Донесенія“ Кобенцеля, то легко будетъ понять это мѣсто. Кобенцель долженъ былъ на сеймѣ 1576 года стараться объ избраніи на вакантный тогда польскій престолъ австрійскаго эрцгерцога Эрнеста. Но о чемъ долженъ былъ стараться на Варшавскомъ сеймѣ Филиппъ Пернштейнъ? Отвѣта на этотъ вопросъ Аделунгъ не даетъ. Но мало того: если признать, что Филиппъ Пернштейнъ былъ посломъ въ Россію въ 1579 году, то на Варшавскомъ сеймѣ онъ долженъ былъ присутствовать въ томъ же 1579 или въ началѣ 1580 года; между тѣмъ изъ „*Volumina legum*“ мы знаемъ ¹⁾, что въ 1579 г. вовсе не было сейма, а въ 1580 г. поднимались чисто внутренніе вопросы (напр. *wagunek wybiegania robogow, oddawanie pieniedzy* и т. д.). Въ третьихъ. Нельзя этого посольства отнести къ 1579 году еще и потому, что на многихъ спискахъ Пернштейнъ названъ посломъ Максимилиана II-го; между тѣмъ какъ въ 1579-мъ году уже царствовалъ Рудольфъ II. Такимъ образомъ все это несомнѣнно доказываетъ, что авторомъ „Донесенія“ былъ Кобенцель. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить появленіе фамиліи Пернштейна въ „Донесеніи“, принадлежащемъ Кобенцелю? Ни Іоаннъ Пернштейнъ, ни Филиппъ не были, какъ мы видѣли выше, послами при Московскомъ дворѣ. Но мы знаемъ, что въ 1572 г. отправлялось отъ Максимилиана II въ Польшу посольство, во главѣ котораго стояли: высшій бургграфъ Вильгельмъ изъ Розенберга и *Вратиславъ изъ Перштина*, великій канцлеръ Чешской короны ²⁾, и которое имѣло цѣлью доставить вакантный тогда польскій престолъ одному изъ сыновей императора. Миссія его, какъ извѣстно, не имѣла успѣха, такъ какъ былъ выбранъ въ Польскіе короли Генрихъ Валуа (въ 1573 году). Онъ впрочемъ вскорѣ предпочелъ французскій престолъ польскому, и Польша такимъ образомъ снова осталась безъ короля. Теперь съ такими порученіями, какъ прежде Вратиславъ Пернштейнъ, былъ отправленъ

¹⁾ Vol. leg. II, стр. 198 и 202—205.

²⁾ „Варшав. Унив. Извѣстія“, 1878 г. № 3. Четвертый отчетъ кандидата Вержбовскаго о научныхъ занятіяхъ за границею въ 1877 году.

Кобенцель. Но въ виду того, что съ одной стороны промежутокъ между ихъ посольствами былъ крайне незначителенъ (всего 4 года), съ другой—цѣли ихъ посольствъ однѣ и тѣже, легко было смѣшать обоихъ пословъ и приписать „Донесеніе“ Периштейну¹⁾.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о содержаніи разбираемыхъ нами памятниковъ. Мы пришли къ заключенію, что Периштейнъ есть тотъ же Кобенцель, который вмѣстѣ съ Принцемъ фонъ-Бухау былъ отправленъ посломъ въ Москву къ Ивану Грозному въ 1576 году. Это посольство было отправлено по слѣдующему поводу. Въ 1572 году умеръ въ Польшѣ послѣдній изъ Ягеллоновъ, и Максимилианъ, желая посадить на польскій престолъ эрцгерцога Эрнеста, просилъ содѣйствія со стороны Ивана IV; въ тоже время посламъ наказано было замолвить словечко у Грознаго царя за Ливонію. Іоаннъ изъ явилъ было согласіе²⁾; но неуступчивость императора въ отношеніи Ливоніи и нежеланіе его признать царскій титулъ Іоанна (императоръ признавалъ Іоанна только Казанскимъ и Астраханскимъ царемъ, но не царемъ всея Руси) охладили въ царѣ расположеніе къ Эрнесту, и онъ почти равнодушно смотрѣлъ на предпочтеніе ему Стефана, сына венгерскаго палатина Баторія. Такимъ образомъ посольство не достигло своей ближайшей цѣли, но было полезно въ томъ отношеніи, что оба посла оставили намъ рядъ замѣтокъ о Московіи. Вообще оба сочиненія по содержанію своему сходны; различіе заключается только въ томъ, что второе гораздо подробнѣе перваго; поэтому мы воспользуемся главнымъ образомъ сочиненіемъ Принца Данила, заимствуя впрочемъ нѣкоторые факты и у Кобенцеля. Распредѣлить матеріалъ въ извѣстныя группы намъ будетъ очень легко, такъ какъ рамки для него даны: сочиненіе Принца фонъ-Бухау раздѣляется на 9 главъ.

Въ концѣ 1-й главы Бухау, какъ современникъ и очевидецъ даетъ намъ характеристику Іоанна „Онъ высокаго роста, читаемъ мы

¹⁾ Такимъ образомъ и „догадка“ г. Бодянскаго, что послѣднее принадлежитъ неизвѣстному лицу и составлено, между прочимъ, на основаніи описанія Кобенцеля—не можетъ имѣть мѣста. Читеніе Моск. общ. ист. 1876. П, предисл. III—VI.

²⁾ Какъ видно изъ отчета, поданнаго обоими послами, Русскіе выставили ультиматумъ, чтобы Польша досталась Эрнесту, а Литва Ѳедору Ивановичу.

у него; тѣло имѣеть полное силы и довольно толстое, большіе глаза, которые у него постоянно бѣгаютъ и все наблюдаютъ самымъ тщательнымъ образомъ. Борода у него рыжая, съ небольшимъ отгѣнкомъ черноты, довольно длинная и густая, но волосы на головѣ, какъ большая часть Русскихъ, брѣеть бритвою“. Черты его характера были таковы. „Онъ такъ склоненъ къ гнѣву, что, находясь въ немъ, испускаетъ пѣну, словно конь, и приходитъ какъ бы въ безуміе; въ такомъ состояніи онъ бѣсится также и на встрѣчныхъ. Жестокость, которую онъ часто совершаетъ, имѣеть ли начало въ природѣ его или въ низости подданныхъ, я не могу сказать. Если кто немного тяжелѣе провинится, того со всѣмъ семействомъ, также слугами и всѣмъ, что одарено живою душою, уничтожаетъ съ корнемъ. Такъ какъ онъ это дѣлалъ часто, то нѣкоторыя мѣста своихъ владѣній и превратилъ въ пустыню“. Изъ этой характеристики видно, что большую роль въ фактахъ жестокости Іоанна игралъ его темпераментъ. Это былъ темпераментъ живой и впечатлительный, а отсутствіе правильнаго воспитанія повело къ тому, что онъ не привыкъ сдерживать своихъ порывовъ. Говоря о женахъ вел. князя, Принцъ передаетъ любопытный обычай выбора царской невѣсты. „Намѣреваясь вступить въ супружество, онъ созываетъ къ себѣ боярскихъ дочерей изъ всѣхъ владѣній и сначала ихъ осматриваетъ всѣхъ, а спустя нѣсколько дней половину отсылаетъ; скоро потомъ число ихъ опять уменьшаетъ, пока, наконецъ, не останется одна та, которую передъ прочими онъ считаетъ достойною супружества съ собою¹⁾. На свадьбу приглашаются только родственники невѣсты и нѣкоторые вѣрнѣйшіе придворные. По окончаніи этого между призванными къ торжеству разбрасываютъ драгоценнѣйшіе собольи мѣха²⁾“.

Во второй главѣ говорится о религіи Русскихъ. Факты, приводимые обоими нашими авторами, указываютъ на сильное развитіе религіозности въ средѣ тогдашняго общества, причемъ формы выраженія ея были тогда почти такія же, какъ и теперь. По словамъ Пернштей-

1) Подтверженіемъ этого могутъ служить двѣ грамоты царя Ивана Васильевича о собраніи невѣстъ для выбора царю: одна декабря 1546 года въ Новгородъ, а другая января 1547 г. въ Дорогобужъ и Вязьму (Собр. Гос. Грам., часть 2-я № 34 и 35).

2) Подробности о свадебномъ обрядѣ смотри въ Древ. Рос. Вивлюенкѣ, часть XIII, стр. 5—19.

на—Кобенцеля, Русскіе болѣе соблюдали религіозные обряды, чѣмъ Нѣмцы. „Относительно религіозныхъ обрядовъ, читаемъ мы у него. Они ихъ соблюдаютъ болѣе, чѣмъ мы: такъ сопровождавшіе меня нѣкогда не проѣзжали мимо какой нибудь обители или церкви или другого религіознаго предмета, каковыя встрѣчаются весьма часто путешественникамъ, безъ того, чтобы не слѣзть съ коней, либо не выйти изъ саней, при чемъ они осѣнялись тоекратно крестнымъ знаменіемъ и наклонялись почти до земли, произнося громогласно: „*Pomiloy Hospodi, Hospodi pomiloy!* т. е. *Kyrie Eleyson*“! А когда мы проѣзжали мимо церквей въ то время, когда въ нихъ шла обѣдня, они входили туда, клали земные поклоны, стуча головою о полъ или о сосѣднюю стѣну, особливо во время возношенія Евхаристіи“. „У нихъ, говоритъ Бухау, существуетъ убѣжденіе, что, кто не имѣетъ собственной иконы, тотъ не можетъ должнымъ образомъ исправлять своихъ молитвъ¹⁾. Поэтому куда ни отправляются, они всегда носятъ ихъ съ собою. Кромѣ того во всѣхъ домахъ помѣщаютъ ихъ въ самомъ почетномъ мѣстѣ и входящіе чествуютъ ихъ наклоненіемъ головы и знаменіемъ креста, а послѣ того уже привѣтствуютъ по обычаю хозяина и другихъ присутствующихъ“. Крестные ходы также были въ большемъ ходу. „Въ дни Богоявленія и 1-го августа, читаемъ мы у Бухау, они выходятъ къ сосѣднимъ рѣкамъ, въ зимнее время прорубливая ледъ; потомъ священники, облеченные въ священныя одежды, со многими свѣтильниками, освящаютъ воду и ею кропятъ образа святыхъ, принесенные туда въ большемъ числѣ изъ храма и частныхъ дворовъ; нерѣдко также больныхъ людей погружаютъ, чтобы возстановить здоровье, и поятъ также пригнанный скотъ. И такъ, тогда стекается большое множество обоего пола и окропляетъ себя этою очистительною водою. Наканунѣ этихъ дней они знаменуютъ крестомъ всѣ двери, окна, также отверстія печей, руководясь, не знаю какимъ, ожиданіемъ грядущаго счастья“. Посты соблюдались самымъ строгимъ образомъ. „Посты, говоритъ

1) Свои иконы имѣли даже въ церквахъ, при чемъ только хозяинъ имѣлъ право молиться такой иконѣ; виновный въ нарушеніи этого правила платилъ хозяину иконы часть ея стоимости. См. объѣтомъ въ статьѣ Рущинскаго „Религіозный бытъ Русскихъ по свѣдѣніямъ иностран. писателей XVI и XVII вв“. Чтен. Моск. общ. ист. 1871, III, 1—3.

Бухау, они до того строго наблюдали, что часто, особенно наиболѣе преданные благочестію, въ продолженіи многихъ дней воздерживаются отъ всякой пищи и по большей части питаются рыбою, высушенной на солнцѣ, рѣдко свѣжей, и нисколько не потворствуютъ себѣ по причинѣ нездоровья¹⁾. Изъ всѣхъ этихъ фактовъ можно вывести то заключеніе, что религіозность тогдашняго русскаго человѣка была внѣшняя, обрядовая²⁾; и это нисколько не удивительно: только такую религіозность и имѣли въ виду даже тогдашніе просвѣтителі-писатели духовнаго чина; дѣйствительно: какіе вопросы занимали древнихъ русскихъ людей и сильно иногда возмущали покой церкви? Вопросъ о томъ, какую пищу употреблять въ извѣстные праздники, если они случатся въ постные дни; въ концѣ XV вѣка новгородскій владыка Геннадій спрашивалъ знаменитаго въ то время грамотѣя, толмача Димитрія Грека, какъ правильнѣе рѣшить вопросъ объ аллилуіа (нужно ли его двойть или тройть). Димитрій отвѣчалъ ему изъ Рима, что онъ смотрѣлъ въ книгахъ и ничего въ нихъ не нашель объ этомъ дѣлѣ: „но помнится мнѣ, продолжалъ Димитрій, что и у насъ споръ бывалъ между великими людьми, и они рѣшили, что и то, и другое можно допустить: троякое аллилуіа съ четвертымъ: Слава Тебѣ, Боже! означаетъ единосущіе Тріипостаснаго Божества; а сугубое аллилуіа означаетъ въ двухъ естествахъ единое лицо Христа Бога“.

Въ третьей главѣ говорится о пріемѣ и содержаніи пословъ.

1) Всѣ эти факты религіозности Русскихъ подтверждаются другими иностранцами, бывшими въ Россіи или писавшими о ней въ XVI в. (Герберштейномъ, Поссевиномъ, Гваньини, Одерборномъ, Ласицкимъ и др.). См. объ этомъ обстоятельное сочин. Руцинскаго „Религіозный бытъ Русскихъ у иностранцевъ XVI и XVII вв“.

2) Къ такому же точно выводу приходитъ и Руцинскій, свѣрившій и сопоставившій извѣстія всѣхъ иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI и XVII вв. „Если кратко очертить взглядъ иностранцевъ, говоритъ онъ, на нашъ религіозный бытъ, то слѣдуетъ сказать, что они смотрѣли на Россію, какъ на страну по преимуществу внѣшняго благочестія, гдѣ было много иконъ, церквей, колоколовъ, гдѣ на каждомъ шагу можно было встрѣтить русскаго, отвѣщающаго поклонны, гдѣ гулъ отъ колокольнаго звона замушалъ слухъ, гдѣ соблюдались самыя строгіе посты, гдѣ нравственность измѣрялась внѣшними подвигами“.

Прежде всего посольство должно было испросить себѣ открытый листъ (опасную грамоту). Тогда на встрѣчу высылались проводники—пристава, на обязанности которыхъ лежала забота о всемъ нужномъ въ дорогѣ: о лошадяхъ, провіантѣ и т. д. Иногда посламъ дѣлались очень торжественныя встрѣчи. „У Смоленска, говоритъ Бухау, посольство было встрѣчено съ великою торжественностью; среди стрѣльцовъ и въ сопровожденіи большой толпы народа было проведено черезъ городъ и переночевало въ маленькой деревушкѣ“. Важную роль играли подарки: у пословъ прямо спрашивали, какого рода подарки они намѣрены поднести. Приѣхавъ въ Россію, послы становились, можно сказать, плѣнниками: ихъ держали взаперти, не позволяли говорить съ своими земляками. „Покуда мы были въ Дорогобужѣ, пишетъ фонъ-Бухау, намъ не дозволено было выходить, осматривать замокъ или даже говорить съ проходившими иногда литовскими кунцами, ибо такой обычай этого народа, еще незнакомаго съ болѣе просвѣщенными нравами—держать пословъ иностранныхъ государей почти запертыми, чтобы они не могли узнавать, что у нихъ дѣлается; пословъ окружала въ это время стража, которая отъ насъ никогда не отходила, но была свидѣтельницами всего, что дѣлалось; при чемъ намъ также не позволялось ничего писать къ императору“. Передъ самимъ прибытіемъ пословъ царь посылалъ имъ обыкновенно какіе нибудь подарки. Такъ Кобенцелю и Принцу фонъ-Бухау царь наканунѣ ихъ прибытія прислалъ въ даръ двѣ повозки, покрытыя бѣлыми медвѣжьими шубами, съ двумя лошадьми. Затѣмъ посольство помѣщали въ какомъ нибудь домѣ и содержали на царскій счетъ. При приѣмѣ пословъ царь московскій старался окружить себя всевозможною пышностью, „ибо, говоритъ Бухау, народъ этотъ любитъ наружное щегольство.“

Факты, приводимые Бухау въ доказательство этой мысли, довольно убѣдительны. „Іоаннь, по словамъ Бухау, къ ихъ приѣзду созвалъ почти изъ всѣхъ областей бояръ, которые, одѣтые въ красивыя и блестящія одежды, наполняли весь тотъ городъ, гдѣ мы были. У московскаго царя сложено огромное количество самыхъ блестящихъ одеждъ, сдѣланныхъ для этой цѣли, въ кладовой. И такъ, когда приходятъ иностранные послы, онъ уступаетъ ихъ своимъ боярамъ, которые вообще довольствуются дешевымъ платьемъ, и они очень заботятся, чтобы не замарать ихъ; если же будетъ какой вредъ, то принуждены бываютъ заплатить извѣстную пеню начальнику казны и изъять вознагра-

градить. Въ передней комнатѣ сидѣло очень много бояръ. Самъ вел. князь сидѣлъ съ большимъ числомъ думныхъ бояръ“. Пышность царскихъ украшеній была изумительна. „На головѣ у него, пишетъ Пернштейнъ—Кобенцель, былъ вѣнецъ почти такой-же, какъ корона Его Святѣйшества Папы. Вся одежда его осыпана брильянтами, красными яхонтами, изумрудами и другими драгоцѣнными камнями величиною въ орѣхъ, и я не мало дивлюсь, какъ можетъ В. князь выдерживать такую тяжесть“. Обиліе столовой посуды было изумительно. „На печномъ шесткѣ предпечія, говоритъ Пернштейнъ, разставлено было множество блюдовъ, тарелокъ, чашъ и подобныхъ сосудовъ изъ золота и серебра, которые едва-ли помѣстились бы на 30 вѣнскихъ возахъ; со всѣмъ тѣмъ это не составляло вполнѣ всего великокняжескаго буфета, а принадлежало только той посудѣ, которая всегда находится въ томъ замкѣ, гдѣ мы на этотъ разъ обѣдали. А сколько имѣется таковой въ его столицѣ Москвѣ, тому и счета нѣтъ: тоже можно сказать объ его казнѣ и драгоцѣнностяхъ“. Въ связи съ такою пышностью стоитъ и щедрость по отношенію къ посламъ: они не только не имѣли ни въ чемъ недостатка, но даже принуждены были возвращать назадъ излишки. Такъ фонъ-Бухау рассказываетъ, что „въ виду огромнаго изобилія съѣстныхъ припасовъ, имъ отпущенныхъ, онъ, удержавъ необходимое, остальное возвратилъ“; въ другомъ мѣстѣ онъ рассказываетъ, что В. князь прислалъ къ нимъ своихъ поваровъ, серебряную и кухонную посуду и далъ блестящее угощеніе съ великою пышностью; Пернштейнъ—Кобенцель рассказываетъ, что передъ его отъѣздомъ царь московскій прислалъ къ нему въ даръ восемь сороковъ соболей, каждая шкура коихъ оцѣнена въ Вѣнѣ въ 700 флориновъ, и сверхъ того всѣ его издержки во время пребыванія были съ величайшею щедростью отнесены на его великокняжескій счетъ, такъ что онъ не издержалъ ни одного кватрина кромѣ данныхъ на мелочи находившимся въ услуженіи людямъ. Но такая пышность и щедрость предполагаютъ по необходимости большія денежные средства. Какіе-же доходы были у московскихъ князей? Кромѣ обыкновенныхъ источниковъ дохода (въ родѣ, на примѣръ, податей, торговыхъ пошлинъ) были и источники, такъ сказать, экстра-ординарные. Такъ Иванъ III, по разсказу Кобенцеля, привезъ и сложилъ въ свою казну, по взятіи и разгромѣ Новгорода, до трехсотъ большихъ подводъ, нагруженныхъ мо-

нетою и множествомъ золота и серебра въ слиткахъ¹⁾. А Василий Ш, присоединивъ къ своей державѣ 15 княжествъ, вывезъ всю казну великокняжескую оттуда и отъ частныхъ лицъ и все это также сложилъ въ свое Московское хранилище. Тому самому примѣру послѣдовалъ и нынѣшній В. Князь, по покореніи имъ двухъ царствъ, Казани и Астрахани. Въ недавно минувшее время онъ поступилъ также при взятіи торговыхъ городовъ, Дерпта и Пернавы и многихъ другихъ богатѣйшихъ мѣстностей въ Ливоніи, гдѣ онъ не далъ своему войску попользоваться ни единымъ кватриномъ, а все забралъ себѣ, какъ первоначально дѣлали то Римляне.

Четвертая глава озаглавлена такъ: „Объ истинномъ значеніи слова царь“. Въ ней Бухау доказываетъ несправедливость притязаній московскаго князя на титулъ царя; но она не представляетъ никакого интереса, и потому мы на ней останавливаться не будемъ.

Въ пятой главѣ говорится о бракахъ. Вступали въ бракъ очень рано: очень часто до совершеннолѣтія (дѣвицы на десѣтомъ году юноши—на двѣнадцатомъ или пятнадцатомъ). Женщинъ держали заперти. „Если женщины, пишетъ фонъ-Бухау, выѣзжаютъ или взаимно посѣщаютъ другъ друга, то онѣ и въ зимнее, и въ лѣтнее время употребляютъ крытыя повозки безъ колесъ“²⁾. Даже женихъ не могъ видѣть своей невѣсты. „Кто желалъ заключить бракъ, читаемъ мы у Бухау, тотъ долженъ былъ слѣдовать въ этомъ дѣлѣ указанію другихъ, потому что ему самому никакъ не дозволялось видѣть дѣвицу, особенно взрослою. И такъ, если онъ захочетъ имѣть какое либо понятіе о ея наружности, то принужденъ пользоваться услугами матери или другой родственницы и на этомъ успокоиться. Если по такому донесенію она понравится ему, то онъ проситъ ее черезъ друзей. Если онъ достигнетъ того, что ее за него выдаютъ, то дѣлается по условію приданое и подарокъ для свадьбы; къ этому иногда присоединяется условіе: буде до совершенія брака женихъ перемѣнитъ намѣреніе, то онъ платитъ извѣстное количество денегъ.

¹⁾ Ср. у Карамзина, VI, стр. 81.

²⁾ Тутъ Бухау безъ сомнѣнія преувеличиваетъ; но въ старину ѣзда въ саняхъ считалась торжественнѣе и въ такихъ случаяхъ сани употреблялись иногда и лѣтомъ (Дополн. къ акт. истор. II, 215).

Наконецъ, въ день, назначенный для свадьбы, невѣста съ закрытымъ лицомъ приводится въ храмъ и при благодарственныхъ молитвахъ священникъ соединяетъ ее съ женихомъ 1). По окончаніи этого старушки, которыя одиѣ только бываютъ и снаряжаютъ молодую, отводятъ ее домой, ставятъ у постели и, снявши покрывало, наконецъ-то показываютъ жениху. Нравится-ли она или не нравится, онъ принужденъ взять ее 2)“. Конечно, такой порядокъ вещей велъ за собою разводы и заключеніе женъ въ монастырь. „У нихъ ради бесплодія и по другимъ причинамъ, говоритъ фонъ-Бухау, дозволяются просьбы о расторженіи брака, особенно для знатнѣйшихъ. Очень многіе монастыри наполнены женщинами именно такого рода 3)“. Таково было положеііе дѣвушки, положеніе, какъ мы видимъ, совершенно безправное. Только изъ такой дѣвушки и могъ выработаться типъ женщины-жены, представленный намъ Сильвестромъ въ его Домостроѣ. Въ семьѣ до замужества она была рабою родителей, теперь, по выходѣ замужъ, она — раба мужа. Но какъ прежде, такъ и теперь главна и единственная ея заповѣдь — покорность. И прежде, и теперь сферой ея дѣятельности является хозяйство, съ тѣмъ только различіемъ, что теперь она является болѣе самостоятельною. Но эта хозяйственная дѣятельность въ силу того, что являлась единственнымъ занятіемъ женщины, дѣлала изъ нея не подругу жизни, для которой мужъ — не господинъ, а товарищъ въ жизненномъ пути, а только и единственно экономку и при томъ такую, которая всегда и вездѣ являлась бы экономкой. Жаль какъ-то становит-

1) Почти буквально тоже самое повторяетъ и Котошихинъ, въ XIII главѣ своего сочиненія, гдѣ говоритъ о бракахъ.

2) На обманы подобнаго рода указываетъ и Котошихинъ. „А будетъ у кого отца или матери есть 2 или 3 дочери, и первая дочь увѣчна, а другія сестры ростомъ и красотою исполнены и во всемъ здоровы и будетъ кто свататца у того человѣка на дочери его и посылаетъ смотрѣть мать свою или сестру и кому вѣрить, и тѣ люди вмѣсто тое своей увѣчной дочери показываютъ другую или третью дочь, и та присланная смотря дѣвицы тое излюбитъ и скажетъ жениху“.

3) У Котошихина относительно этого мы читаемъ. „Когда женихъ узнаетъ истину послѣ брака, то умыслить надъ нею учинить, чтобъ она постриглась, а будетъ по доброй его волѣ не учинить, и онъ ее бьетъ всячески до тѣхъ мѣстъ что она похочетъ постричься сама“.

ся ту (идеальную!...) жену, которая, говоря собственными словами Домостроя „всегдабъ за рукодѣльемъ сидѣла сама: то ей честь и слава, а мужу похвала; знаться должна бѣ только съ тѣми, съ кѣмъ мужъ велить; съ гостями бесѣдовать о рукодѣльи и домашнемъ устройствѣ“.

Въ шестой главѣ говорится о законахъ. „Воля вел. князя, такъ начинаеть эту главу фонъ Бухау, есть для всѣхъ законъ“. Этими словами онъ, конечно, не исключаетъ существованія писаннаго закона; онъ указываетъ только на степень развитія великокняжеской власти въ этотъ періодъ. Изъ фактовъ юридическаго быта, приводимыхъ фонъ-Бухау, обращаетъ на себя наше вниманіе слѣдующій. „Если кто имѣеть наследственныя имѣнія, то передаетъ ихъ ближайшимъ родственникамъ, а полученные отъ В. князя даромъ изъ щедрости, по смерти владѣтеля, возвращаются ему. Однако если останутся дѣти, то половина помѣстья оставляется на ихъ воспитаніе, если только отецъ не сдѣлалъ какого либо проступка. Когда они достигнутъ 15 лѣтъ, то начинаютъ служить и, если хорошо служатъ, могутъ вновь получить отцовское помѣстье“. Это узаконеніе находится въ связи съ другими, имѣющими въ виду не допустить передачи по наследству пожалованныхъ помѣстьевъ. Такъ въ дополнительныхъ указахъ къ Судебнику мы читаемъ: „которыя вотчины за князьями Ярославскими, Стародубскими, Ростовскими, Суздальскими... и за другими служилыми князьями вотчины старинныя, тѣмъ князьямъ вотчинъ своихъ не продавать, не мѣнять, за дочерьми и сестрами въ приданое не давать; а котораго князя бездѣтна не станеть, и тѣ вотчины брать на государя. А который князь напишетъ въ своей духовной грамотѣ вотчину своей дочери или родной сестрѣ и душу свою напишетъ съ той вотчины строить (помянуть), тѣхъ вотчинъ дочерямъ и сестрамъ въ приданое не давать; давать приданое и душу помянуть изъ животовъ (движимаго имѣнія); а у котораго князя не будетъ столько животовъ, чтобъ можно было за дочерью въ приданое дать и душу помянуть, то государь, разсудя по вотчинѣ, велить дать изъ своей казны, а вотчины велить взять государь на себя“. Что касается до наказанія за уголовныя преступленія, то самое сильное полагалось за оскорбленіе В. князя. „Если кто оскорбитъ В. князя, читаемъ мы у Бухау, то его по большей части разсѣкають въ кусочки, и не рѣдко вся семья его въ корень истребляется¹⁾“. „За болѣ легкіе

1) Относительно отвѣтственности семьи за преступленія мужа мы на

проступки, говорить дальше фонъ Бухау, обнажаютъ до пояса и, выведши на улицу, бьютъ кнутомъ; этому наказанію нерѣдко подвергаются даже самые бояре и духовныя лица. Должникамъ или даже ихъ поручителямъ, если они не заплатятъ извѣстныхъ денегъ въ назначенный срокъ, каждый день у крѣпости или другого общественнаго мѣста отпускаютъ извѣстное число ударовъ, что продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока они не сдержатъ своего слова“.

Въ седьмой главѣ говорится о нравахъ и образѣ жизни. Эта глава представляетъ очень большой интересъ, потому что рисуетъ очень наглядно бытовую сторону русской жизни въ XVI вѣкѣ. Первая черта, которую отмѣчаетъ фонъ-Бухау, есть величайшее уваженіе къ своему князю. „Если кто изъ присутствующихъ вспомнитъ о В. князѣ, и тѣ не обнажаютъ головъ, то имъ тотчасъ напоминаютъ объ этой обязанности. Если они кому либо приносятъ его грамоты, то несутъ ихъ, взявшись за нихъ двумя пальцами и поднявши кверху, и передаютъ съ величайшимъ почтеніемъ, кому онѣ слѣдуютъ“. Но еще болѣе сильными красками рисуетъ ту же черту у Русскихъ Пернштейнъ-Кобенцель. „Замѣчательнѣе всего, говоритъ онъ, у Русскихъ послушаніе подданныхъ своему государю. Онъ никогда иначе не обращается къ нимъ какъ съ повелѣніями, а они считаютъ себя счастливейшими людьми, если могутъ пожертвовать за него не только достоинствомъ своимъ, но и жизнию. Это происходитъ отъ того, что подданные смотрятъ на своего государя, какъ на лицо, приближенное къ Богу, и какъ на исполнителя Всевышней воли, и потому подчиняются безпрекословно всѣмъ его повелѣніямъ“. Такая власть Ивана IV не будетъ нисколько удивительна, если мы припомнимъ, что уже Герберштейнъ писалъ: „В. князь Василій Ивановичъ кончилъ то, что начато было его отцомъ, и властью своею надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ“. О пицѣ, напитокѣхъ и, такъ сказать, застольныхъ обычаяхъ Бухау говоритъ такъ. „За столомъ они держатся самыхъ простыхъ обычаевъ и такъ какъ не употребляютъ никакихъ тарелокъ, то пищу берутъ пальцами изъ чашекъ. Рыганіе у Русскихъ считается

ходимъ любопытное извѣстіе, что Иванъ Пронскій, давая запись царю, говорить въ ней, что въ случаѣ отъѣзда его царь воленъ казнить его и его жену. Обобщеніе у Бухау, безъ сомнѣнія относится къ эпохѣ казней Грознаго.

признакомъ образованности (?); и какъ у нихъ за столомъ ничего не бываетъ чаще, какъ брать съ ними пищу, то я не нахожу этого большимъ удовольствіемъ. В. князь московскій имѣетъ въ изобиліи серебряную посуду и при пирахъ они употребляютъ ее въ большомъ количествѣ, чтобы показать свое богатство. Знатные же очень часто ставятъ на своихъ столахъ деревянные чаши и стаканы, которые однако монахи въ нѣкоторыхъ монастыряхъ дѣлаютъ весьма изящно и искусно украшаютъ кругомъ золотомъ. Они весьма много употребляютъ говяжьего мяса, свиного и бараньяго, а отъ телятины постоянно воздерживаются. Всякую пищу они приправляютъ лукомъ и чеснокомъ и эти приправы употребляютъ постоянно, пренебрегая тѣми, которыми пользуются народы съ болѣе развитымъ вкусомъ. Съ жаренымъ мясомъ они употребляютъ соленыя сливы вмѣсто лимоновъ; однако послѣдніе, привезенные купцами, они считаютъ за лакомство при рыбахъ и другой пищѣ. Употребленіе вина у нихъ очень рѣдко, потому что виноградъ не родится въ Московіи. За самымъ столомъ В. князя намъ предложенъ былъ только единственный стаканъ вина. У нихъ есть свой особенный напитокъ, но довольно пріятный, который они дѣлаютъ изъ меда, воды и хмеля; иногда даже приправляютъ его ароматами или какими нибудь плодами. У самого князя онъ бываетъ бѣлаго и краснаго цвѣта и такъ превосходенъ, что поспорить съ нашей мальвазіей; но такъ какъ этотъ напитокъ холодный, то они употребляютъ за завтракомъ и обѣдомъ горячее вино, которое, какъ они думаютъ, приличнѣе для ихъ желудка, такъ какъ они не имѣютъ нашего вина и живутъ въ самыхъ холодныхъ странахъ. Бѣднѣйшіе кромѣ того дѣлаютъ другой напитокъ изъ кваски и воды и называютъ его квасомъ“. Жилища москвитянъ, по описанію Бухау, были таковы. „Дома знатныхъ и городскихъ жителей малы и большею частью крыты соломой. Всѣ комнаты, которыя мы видѣли въ Московіи, печей не имѣютъ. Такъ какъ у нихъ печи бываютъ только для приготовленія пищи и хлѣба, то все наполняется дымомъ; а какъ люди и скотъ находятся вмѣстѣ, то все очень грязно. Вмѣсто оконъ они употребляютъ льняной холстъ, пропитанный масломъ, чтобы туда проникало больше свѣта, либо бычачьи пузыри, потому что стекла у нихъ совсѣмъ нѣтъ. Въ области Псковской и Новгородской находится камень, удобно раскалываемый, изъ котораго обыкновенно дѣлаютъ окна, также до удивленія прозрачныя (изъ слюды).

Въ восьмой главѣ говорится о монетахъ въ Московскомъ государ-

ствѣ. Тутъ фонъ-Бухау жалуется на сбивчивость счета у москвитянъ. Эту неопредѣленность въ монетной системѣ онъ объясняетъ тѣмъ, что Русскіе, не имѣя собственныхъ рудниковъ, покупали золотыя и серебряныя монеты и чеканили изъ нихъ свою монету. Не было опредѣленнаго монетнаго курса еще и потому, что было множество разнаго рода монетъ (византійскихъ, австрійскихъ, англійскихъ, венгерскихъ, испанскихъ, литовскихъ, польскихъ, московскихъ, новгородскихъ, областныхъ и т. д.) „Иногда за золотую монету, говоритъ онъ, которую мы называемъ Угорскою, даютъ только сотню крестовиковъ, къ которымъ однако прибавляютъ 8 и больше.“ Стоимость же червонца (Угорскаго) Прозоровскій ¹⁾ опредѣляетъ въ 126 крестовиковъ или денегъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что при обмѣнѣ иностранныя купцы теряли до 18 денегъ.

За ефимокъ, по словамъ Принца, платилось отъ 66—69 крестовиковъ. Относительно настоящей цѣны ефимка мы находимъ любопытныя извѣстія въ торговой книгѣ, составленной въ 1575 и 1610 гг. Полная цѣна стараго ефимка равнялась 82 деньгамъ, а новаго—75; по словамъ же Бухау, въ его время за ефимокъ платили отъ 66—69 денегъ; слѣдовательно на каждомъ ефимкѣ купцы теряли до 9 денегъ. Покупная цѣна ефимка, приводимая Принцемъ фонъ-Бухау, нѣсколько ниже покупной цѣны, приводимой другими путешественниками. Такъ Маржеретъ ²⁾ говоритъ: „купцы иноземные привозятъ множество ефимковъ, которые Русскіе принимаютъ съ выгодою: каждый ефимокъ идетъ за 12 алтынъ или 36 денегъ (новгородскихъ) или 72 московскихъ“. Въ торговлѣ, по словамъ Бухау, употребляютъ часто названіе рубль; но рубль не есть названіе извѣстной монеты: только 100 новгородскихъ монетъ составляютъ рубль. Кромѣ этихъ монетъ въ большомъ употребленіи у москвитянъ, по словамъ Бухау, была новгородская монета, стоящая 2 крестовика и выдѣлываемая изъ иностраннаго серебра во всѣхъ главныхъ городахъ золотыхъ дѣлъ матерями. Деньга содержитъ

¹⁾ „Монета и вѣсъ въ Россіи“ въ Зап. Арх. общ. XII.

²⁾ Былъ въ Россіи впрочемъ уже при Борисѣ Годуновѣ и потомъ издавалъ во Франціи книгу: «Etat de l' Empire da Russie et grand Duché de Moscovie. Avec ce qui s' y est passé de plus memorable et tragique depuis l' an 1590 jusques en l'an 1606». Par le capitaine Margeret.

въ себѣ половину новгородской монеты, стоитъ одинъ крестовикъ и такой же формы. Три новгородки называются собственнымъ именемъ „алтынъ.“ Кромѣ этихъ крупныхъ есть очень мелкія, которыхъ на 1 крестовикъ идетъ 1? штукъ ¹⁾).

Въ 9-й главѣ говорится о механическихъ искусствахъ и земледѣліи. Главную массу жителей, по словамъ Бухау, составляетъ земледѣльческій классъ—крестьяне. Положеніе крестьянъ Бухау изображаетъ крайне незавиднымъ... „Ихъ, по его словамъ, заставляютъ платить каждую недѣлю по мѣсколко денегъ В. князю и своимъ господамъ ²⁾); они имѣютъ скотъ, плоды и кромѣ того что нибудь изъ сельскихъ вещей; отказывая себѣ во всемъ, они продаютъ ихъ сосѣднимъ гражданамъ, а сами вмѣстѣ съ женами и дѣтьми довольствуются чернымъ хлѣбомъ, живутъ очень бѣдно, одѣваются въ толстѣйшее сукно и сами себѣ дѣлаютъ обувь изъ древесной коры (лапти?), чтобы только не нуждаться въ работѣ сапожниковъ“. Естественнымъ слѣдствіемъ такой матеріальной необезпеченности должно было явиться то, что они не могли заботиться объ улучшеніи способовъ производства. „Но, не смотря на это, говоритъ Бухау, плодородіе и обширность земли дѣлаютъ то, что поля, воздѣланныя по меньшей мѣрѣ посредственно, приносятъ обильные плоды“. Земледѣльческое производство велось у москвитянъ, по словамъ Бухау, такъ: „Сжатый во время хлѣбъ они складываютъ въ кошны и кладутъ въ видѣ шалашей, растянутыхъ рядомъ въ видѣ лѣстницы, чтобы онъ просохъ отъ воздуха и вѣтра. Сушатъ хлѣбъ въ какихъ то маленькихъ шалашахъ (овинахъ), своды которыхъ нагрѣваются; пользу этого они доказываютъ тѣмъ, что если хлѣбъ такимъ образомъ затвердѣетъ отъ дыма, то онъ безъ всякаго поврежденія можетъ сохраняться многія лѣта въ хлѣбныхъ амбарахъ, хотя бы никогда не трогался, какъ

¹⁾ Цоборы съ крестьянъ были дѣйствительно значительны и разнообразны: дань, писчая бѣлка, подвода, ямъ, тамга, мыть, костки, осминичее, вѣсчее, помѣрное, городъ дѣлати, княжей или намѣстничъ дворъ ставить, коня княжого кормить, княжіе луга косить и многое другое смотря по мѣстностямъ (см. Вѣльева, „Крестьяне г. Руси“, 47 ст.)

²⁾ Здѣсь Бухау вѣроятно говоритъ о такъ зываемыхъ пулахъ—мѣдной монетѣ. Извѣстія другихъ писателей о цѣнности пульъ разнорѣчивы. По свидѣтельству Герберштейна на 1 крестовикъ шло 60 пульъ, а по свидѣтельству Гваньини—10 (Mosc. descr., editio Starczewski).

это обыкновенно бываетъ у насъ. Это подтверждаютъ также и Литовцы, соблюдающіе тотъ же самый способъ. У нѣкоторыхъ знатныхъ устроены для молотбы гумна, но люди простаго званія поливаютъ водою какое либо ровное мѣсто передъ тѣми шалашами, о которыхъ мы сказали, и на немъ, послѣ того какъ оно отвердѣетъ отъ льда, выбиваютъ зерна хлѣба. Мучныхъ мельницъ у рѣкъ, хотя ихъ можно было бы очень удобно устроить, у нихъ очень мало, потому что всякій хозяинъ, пользуясь трудомъ служанокъ, двумя не очень большими, круглыми камнями, растираетъ зерна въ своемъ домѣ и приготовляетъ столько муки, сколько можетъ быть достаточно для него и его семейства“. Таковы были положеніе и занятія крестьянъ. Слѣдующій за ними по важности былъ классъ торговый. О купцахъ Бухау въ нѣсколькихъ словахъ говоритъ, что они, скупивши отовсюду мѣха, воскъ и другіе предметы, которыхъ дома имѣютъ въ изобиліи, мѣняютъ ихъ на сукна и ароматы, и эти товары продаютъ уже своимъ согражданамъ за деньги. Изъ этихъ словъ видно, что на Руси въ то время преобладала не денежная, а мѣновая торговля¹⁾. Послѣднее мѣсто занимаетъ классъ ремесленниковъ. О нихъ Бухау говоритъ такъ. „Только въ одной столицѣ Московіи живутъ болѣе искусные мастера, которые однако по большей части Нѣмцы; въ другихъ же мѣстахъ кромѣ портныхъ и сапожниковъ почти нѣтъ никакихъ²⁾“. Наконецъ, въ самомъ концѣ Бухау упоми-

¹⁾ На такой характеръ торговли указываетъ и Н. И. Костомаровъ въ своемъ «Очеркѣ торговли Московскаго государства въ XVI и XVII вв.»

²⁾ Но изъ писцовой книги г. Казани можно видѣть, что туда были переведены изъ Пскова и др. городовъ разные мастера, въ числѣ которыхъ встрѣчаются и серебряники. Очерки древней Казани. П. Заринскаго, 38—41.

³⁾ Подтвержденія того факта, чтобы деревни—ямы освобождались отъ всѣхъ другихъ повинностей, мы не видимъ въ русскихъ источникахъ (въ грамотахъ Василия Ш, Ивана IV, Бориса и т. д.). Скорѣе можно думать, что въ деревнѣ, обязанной нести ямскую службу, выскивались охотники, которые принимали на себя обязанность снабжать лошадами и проводниками государевыхъ служилыхъ людей и за то освобождались отъ оброка и всѣхъ другихъ повинностей; число этихъ охотниковъ иногда простиралось до 70 человекъ и болѣе. См. статью бывшаго профессора Кіевскаго университета Домбровскаго, помѣщенную въ XXXI-й части Жур. Мин. Нар. Просв. Подробности въ Ист. финанс. учр. Россіи гр. Д. Толстаго, 50—56.

маеть о путяхъ сообщенія. „Очень многимъ деревнямъ, говорить онъ, В. князь даетъ свободу отъ тѣхъ тягостей, которыми обременяются другія, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы они всегда имѣли готовыхъ лошадей и даромъ въ достаточномъ количествѣ давали ихъ тѣмъ, которые ѣдутъ отъ его имени ³⁾. Эти деревни обыкновенно называются ямами отъ иманія. Поэтому всякому, кто ѣдетъ по казенной надобности (*nomine publico*) для скорости дозволяется брать новыхъ лошадей на этихъ мѣстахъ. Мѣста такого рода отстоятъ другъ отъ друга почти на 6 миль, особенно по дорогѣ, идущей отъ пограничныхъ крѣпостей въ Московію. И такъ, пользуясь этимъ удобствомъ, они часто совершаютъ величайшіе переѣзды, особенно если того требуетъ необходимость, и въ продолженіи немногихъ дней доносятъ В. князю, что дѣлается у сосѣдей. Впрочемъ послы иностранные тоже могутъ брать лошадей изъ этихъ деревень. За то купцамъ и частнымъ лицамъ, по словамъ Бухау, приходится испытывать большія непріятности и затрудненія, такъ какъ постоянныхъ дворовъ никакихъ нѣтъ и едва за деньги можно достать хлѣба“.

Д. Багалъи.